

29 ИЮН 1971

Театр

Шоу Борисовой

Тем, кто не попал на этот спектакль, остаётся только посочувствовать. Они потеряли возможность увидеть блистательное «шоу» — игру Ю. Борисовой в неизвестной советскому зрителю до 5 сентября 1964 года (день премьеры) пьесе Б. Шоу.

Мы привыкли к тому, что важные жизненные вопросы по большей части освещаются литературой и театром в серьёзном тоне. А у Шоу все кажется несерьёзным. Чего бы он ни касался — религии, философии, морали, политики, экономики, искусства, — обо всем писал шутиливо или насмешливо. Он был великим проповедником лучших идей современности, и формой его проповеди был смех.

Признаться, меня пугало, что чуть ли не полчаса длился спектакль, а зрительный зал настроенно молчал. И вдруг на 35-й минуте зал взорвался тем самым доброжелательным, сочувственным, радостным смехом, который до конца спектакля сопровождал каждое слово Эпифании Онизанти ди Парерга, миллионерши. Нас, зрительный зал и меня, можно понять. Пьесы мы не читали, а тут — миллионерша, на первый взгляд существа с «вытравленной» человечностью, образ символический, воплощение некоей злой беспощадной силы — силы денег». К тому же действующей очертя голову, руководствуясь единственным правилом «бить до последнего издыхания».

И право же, полчаса — скромный срок, чтобы определить свои симпатии в этом сплетении парадоксов. К тому же у постановщика спектакля, А. Ремизовой, открывшей «Миллионершу» для нашей сцены, свой, глубоко индивидуальный взгляд на пьесу и главную героиню, взгляд, с которым переполненный зал «Красного факела», бесспорно, согласился.

Спектакли, поставленные А. Ремизовой, отличаются высокой культурой, бережной работой с авторским словом, гиперболическим уважением к актеру и, думаю, не ошибусь, стремлением режиссера «умереть в актере».

Но как удивились мы, узнав, что оформлен спектакль Н. Акимовым, одним из самых ярких, своеобразных театралных художников. И он пожелал разделить участь режиссера, отдав сцену полностью актерам, создав лаконичное, неброское оформление, в котором можно отлично вживаться в образ. Здесь все достоверно, и здесь все — театр.

Строгий спокойный кабинет модного адвоката Юлиуса Сагамора с большим тактом сыгранного В. Осеневым, огромные шкафы, увенчанные бюстами мыслителей, мерные чеканные звуки Биг-Бена за окном и... взрывающее эту тишину, прелестное создание с темпераментом разбуженного Везувия, по имени Эпифания, по профессии — миллионерша.

Она до неприличия хороша, и разве что чемпионом по боксу и теннису, с красивым именем Аластер Фитцфассенден, и с минимальным количеством серого вещества в черепушке, мог отважиться на супружество с Эпи. Впрочем, пан Спортмен (а сыгран он Ю. Волынцевым — маской из знаменитого кабачка «13 стульев»), лишь по странной случайности мог когда-то увлечь нашу амазонку.

И сопровождающий ее возлюбленный Адриан, сей «оболтус в расцвете лет», затаенный в смокинг и при бороде — все это объясняется лишь бедностью выбора. В. Этуш с безошибочной силой, ярчайшими красками, под оглушительный хохот зала развенчал этот желудок в монологе.

Она, Эпи, до неприличия хороша, и прекрасная половина зрительного зала по вполне понятным причинам до 35-й минуты не торопилась отдавать ей свои симпатии. Но лед тронулся. Ее узнали...

Не пристало рецензенту петь дифирамбы из опасения прослыть пристрастным, но как остаться беспристрастным, увидев «Миллионершу».

Борисова — идеальный полпред своей героини. Да, душа Эпифании иссушена, разращена властью золота, но от этой наследственной болезни героини Борисовой стремится избавиться на протяжении всего спектакля. И вовсе она не мнимая положительная героиня, не «античеловек», прикинувшийся сверхчеловеком. Героиня Борисовой просто не могут быть отрицательными; в противном случае она бы изменила своей теме.

Как лихо расправляется Эпи со своей соперницей, похитившей ненужного Аластера, этой премиленькой, уютненькой, с огромными глазами и огромным бантом на голове, простушкой Патрицией по прозвищу «Полли — драные чулки». Не будь в спектакле Борисовой, героиня Е. Райкиной, обладающая только положительными качествами, смогла бы перепутать карты драматурга.

Как блистательно ведет словесную дуэль Эпифания, нанося неотразимый укол...

— Зато с вами может ужиться каждый!

И увлеченный этим напором волевой энергии, бешеным темпераментом, пульсом неслыханной частоты, этой стихийной силой, зрительный зал, вопреки элементарной логике, подчиняясь колдовству «шоу» Борисовой, аплодирует «миллионерше».

Избежать магического обаяния Борисовой невозможно. Достигается оно, надо полагать, кажущимся трудом на репетициях, и к премьере самый придирчивый критик не обнаружит ни одного фальшивого слова, неверного жеста, неточного полутона. Понади Шоу на спектакль вахтанговцев, у него исчезли бы сомнения, для кого написана пьеса, и, наверное, Борисовой бы великий драматург посвятил слова восхищения ничуть не худшие, чем исполнители многих ролей в

своих пьесах, знаменитой Патрикс Кемпбелл: «Дело здесь не только в ее прелестном лице (она, может, и не красивее других), даже не в ее легкой, на редкость пропорциональной фигуре, а в ее исключительной уверенности в себе, в умении владеть своим телом. Я уверен, что... она... сумела бы с одного раза ловко, быстро и изящно продеть нитку в иголку пальцами ноги и одновременно уделить внимание еще чему-нибудь так же ловко, быстро и изящно... Это физический талант, очень редко осознаваемый, сочетаемый с гибкостью ума, наблюдательностью и живым сценическим темпераментом».

Образно, парадоксально, точно.

Борисова как бы создана для Эпифании, хочется утверждать, что именно Эпифания — ее лучшая роль. В пьесе Шоу наиболее точно раскрывается ее удивительное дарование. Ей великолепно удаются острейшие, пробивающие любую броню, фразы-уколы, которыми драматург наделил свою героиню. Вместе с Шоу Борисова отличнейшим образом обличает мир, плодящий аластеров и адрианов с их уютными дурочками-«чулочками», мир, в котором человек копит миллионы, тратя на себя копейки. Мир, который Шоу обличал неустанно на протяжении своей долгой жизни, расковыряв мысль, помогая людям освободиться от вековых предрассудков и заблуждений.

Борисова изменяла бы своей теме, не появившись в спектакле такой доктор-египтянин, каким его показал Ю. Яковлев, актер, обладающий магическим талантом очаровывать зрительный зал. Демоническая красота, философский ум и упорная преданность даме по имени «Наука» нанесли решительный удар Эпифании.

Она поражена. Куда исчезли ее, не знающие промаха, стрелы-остроты. Она явила миру свою слабость, и какая бездна обаяния в ее поражении... В финале она робко (как это непохоже на прежнюю Эпи!) надеется завоевать любовь мудреца-араба. В спектакле появляется грустинка, которая, возможно, была бы неместна в пьесе, но так органична в спектакле — «шоу» Борисовой.

Долго еще будет вспоминать в нашем городе «шоу» вахтанговцев по пьесе шута-мудреца.

Г. ЛИФЕНЦЕВ.

* * *

На снимке: сцена из спектакля «Миллионерша». Эпифания — нар. арт. СССР Ю. Борисова; доктор — нар. арт. РСФСР Ю. Яковлев.

Фото Н. Сонячевой.